

Е.С. Богданов¹, О.И. Новикова^{1, 2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Исследовательские работы на могильнике Курайка (Горный Алтай) в 2017 году

В 2017 г. отрядом ИАЭТ СО РАН были возобновлены археологические раскопки на могильнике Курайка (Горный Алтай, Кош-Агачский р-н). Было исследовано 10 погребений гунно-сарматского времени: 8 одиночных и 2 парных. В ходе работ удалось проследить особенности погребального обряда, характерные для кок-пашского типа памятников, выявить новые детали ритуальных действий. Впервые зафиксированы деревянные внутримогильные столбовые конструкции перекрытий, описана технология изготовления лиственничных колод и деревянных рам. Благодаря хорошей сохранности древесины в могилах стало возможным поставить вопрос об использовании имитации лодки в погребальном обряде и выявить аналогии в ритуалах коренных народов Сибири.

Ключевые слова: гунно-сарматское время, кок-пашский тип памятников, архетипы в погребальном ритуале.

E.S. Bogdanov¹, O.I. Novikova^{1, 2}

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Research Works at the Kuraika Burial Ground (Altai Mountains) in 2017

In 2017, a team of the IAET of SB RAS resumed archaeological excavations at the burial ground of Kuraika (Altai Mountains, Kosh-Agach District). Ten burials of the Hunno-Sarmatian time were investigated including eight single and two double burials. In the course of the work, it was possible to observe all features of the funeral rite typical of the Kok-Pash type and uncover new details of ritual activities. For the first time, wooden intratumulary pillar structures of covering have been found. The technology of manufacturing larch slabs and wooden frames have been described. Due to the good state of wood preservation in the graves, it became possible to pose the question of using the imitation of the boat in the funeral ritual and to find the parallels in the rituals of the indigenous peoples of Siberia.

Keywords: Hunno-Sarmatian time, Kok-Pash type of monuments, archetypes in funeral ritual.

В 2017 г. были проведены экспедиционные работы на могильнике Курайка в Кош-Агачском р-не Республики Алтай. Памятник находится под наблюдением археологов с 90-х гг. XX столетия, поскольку в результате водной эрозии терраса с погребальными сооружениями постоянно разрушается. Раскопки на памятнике с перерывами ведутся с 1994 г. [Соёнов, Эбель, 1998; Слюсаренко, Богданов, Соёнов, 2008; Богданов, Слюсаренко, 2007; Соёнов, Константинов, Трифанова, 2016]. К началу полевого сезона 2017 г. на Курайке из 105 зафиксированных объектов был исследован 31.

Могильник Курайка относится к кок-пашскому типу погребальных памятников и датируется в пределах III–V вв. н.э. [Елин, 1990; Соёнов, 2003,

с. 29–53]. Несмотря на большой объем данных, полученных при раскопках погребений гунно-сарматского времени в Горном Алтае, существует несколько нерешенных проблем.

Во-первых, не установлены причины большой вариабельности погребального обряда в пределах отдельно взятого могильника кок-пашского типа. Во-вторых, не ясна этническая принадлежность населения, оставившего памятники гунно-сарматского времени. В-третьих, до сих пор продолжают дискуссии по вопросам хронологии. Основные выводы по датировкам получены на основе очень немногочисленных находок, что делает данный подход уязвимым.

В 2017 г. впервые были проведены работы в центральной и южной частях могильника и раскопаны сооружения, визуально имеющие существенные отличия друг от друга. Всего было исследовано 10 погребений: восемь одиночных и два парных. Под наземной конструкцией № 45 погребения не обнаружено. Под насыпью объекта № 81 оказалось две могильные ямы. Несмотря на большую вариабельность деталей, можно выделить основные признаки погребального обряда, характерные для исследованных объектов.

1. Наземные погребальные сооружения представлены прямоугольными каменными оградами-крепидами из уплощенных валунов (искл. объект № 81, имеющий округлую конструкцию). В одних случаях стены оград были выложены в один слой, в других – в 2–4 яруса. Внутреннее пространство в оградах заполнялось остатками выкида из могильной ямы и мелким камнем, поэтому за исключением единичного случая (объект № 81), наземные конструкции Курайки нельзя называть курганными насыпями.

2. Внутримогильные сооружения представлены либо колодой, либо деревянной рамой. Обязательно наличие обкладок из валунов: либо по всему периметру дна могилы, либо только в головах и ногах погребенного. Впервые были выявлены опорные конструкции из четырех столбов, поддерживающих деревянные перекрытия. Перекрытие могло быть как на уровне древней дневной поверхности, так и непосредственно над деревянной рамой. Деревянные рамы собирались из четырех досок при помощи шиповидного соединения: в длинных боковых досках (северная и южная) вырезались сквозные овальные отверстия, в которые вставлялись шипы коротких торцевых досок. В результате у длинных

боковых досок оставались выступающие концы.

Благодаря хорошей сохранности дерева удалось выявить конструктивные особенности лиственничных колод и технологию их изготовления. Верхняя часть ствола снималась на одну треть и после выборки сердцевины колода имела полукруглую в сечении форму. В момент погребения на плоскую верхнюю поверхность торцов сверху укладывалась крышка из широкой доски, закрепленная четырьмя шпильками (заостренными палочками, прямоугольными в сечении). При предыдущих раскопках было отмечено, что погребальные колоды всегда были закруглены с обоих торцов, причем один из них (в ногах) часто был заужен. Именно такая колода была обнаружена при раскопках объекта № 23, ее длина составляла 3,1 м. Погребенная женщина 30–35 лет (определение канд. ист. наук Д.В. Позднякова) лежала по центру колоды, деревянное перекрытие отсутствовало. Похожая по конструкции колода находилась в объекте № 66а (детское захоронение). Один конец крышки колоды (в ногах) был заострен, другой – закруглен (рис. 1). Обе колоды внешним видом напоминали лодки.

На первый взгляд, имитация лодки в погребальном обряде для кочевой культуры представляется маловероятной, поскольку подобные обряды захоронения больше характерны для народов, жизнь которых тесно связана с водой, а не со скотоводством. Известно, что у обских угров лодки и колоды использовались в погребальном обряде, начиная с VIII–IX вв. [Семенова, 2007, с. 127; Соколова, 2009, с. 447–448]. Если отправление на лодке душ умерших в страну смерти является своего рода мировоззренческим стереотипом, то использование колоды с данной целью не так прямолинейно. «Колода восходит к дереву, которое само по себе является моделью устройства вселенной. Оно связывает собой миры и является проводником в посмертное существование. Рост дерева по аналогии можно воспринять и как движение лодки по воде. При этом направление задается в нужную сторону. Вместе с уложенным к комлю покойником колода-дерево прорастает вниз, в подземный мир. Здесь важно то обстоятельство, что дерево выступает в качестве обеспечения возрождения. Колода не простое транспортное средство, а залог возрождения, воскрешения. Лодка же остается на уровне “инвентаря” покойного, его транспортного средства» [Семенова, 2007, с. 128].

Некоторые детали в погребальном обряде, выявленные при раскопках на могильнике Курайка, представляются нам архетипическими и находят параллели в культурах, удаленных территориально. Так, у обских угров колоды (лодки) сверху перекрывались уложенными поперек плахами [Там же].

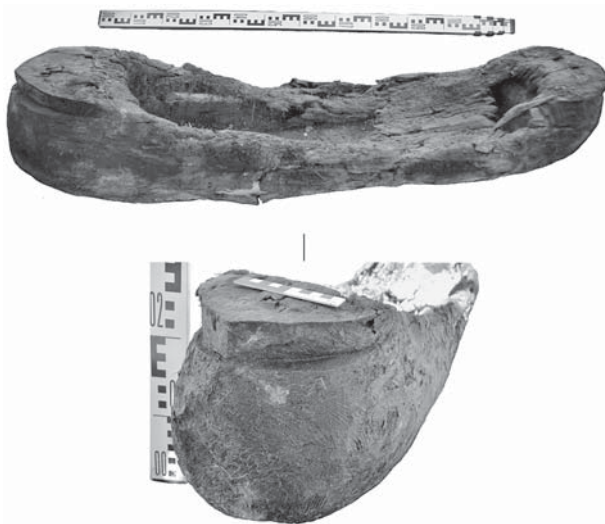

Рис. 1. Объект № 66а могильника Курайка. Погребальная колода с деревянной крышкой.

На Кольском Оленеостровском могильнике (середина II тыс. до н.э.) могильные ямы с погребальными лодками укреплялись деревянными конструкциями и перекрывались плахами, придавленными камнями на уровне древней дневной поверхности [Шумкин, Колпаков, Мурашкин, 2006, с. 47]. Случаи заваливания погребальной лодки камнями часты у славяно-балтов и германцев [Петрухин, 1980, с. 90]. Причем, как и в случае с курайскими погребениями, в европейской традиции, в основном, заваливался нос и корма погребальной «ладьи». Представляется, что, исходя из мифологических представлений, окатанные валуны могли быть действующими элементами в погребальном обряде, указывая на тесную связь с рекой. Люди, оставившие могильник Курайка, предпочитали поднимать камни из реки вверх на террасу, хотя удобнее было сносить камни вниз с расположенных поблизости каменоломен.

Не случайным совпадением представляется схожая ориентация у погребенных в Курайке и у коренных народов Сибири. «Ось северо-запад (восход) – юго-восток (заход) на сегодняшний день является определяющей для обских угров и ненцев» [Головнев, 1995, с. 429]. Для могильника Курайка данный элемент обряда (ориентация на северо-запад), при большой вариативности остальных, является самым устойчивым. Как считает В.И. Семенова, «у обских угров северо-запад совпадает с низом и направлением в сторону мира мертвых» [2007, с. 129]. Поэтому можно говорить как о существовании «вертикальной модели мира», работающей по модели мирового дерева («люди Дерева»), так и «плоской вселенной с мировой рекой и лодкой», определяющей двухчастное деление мира на дневную и ночную стороны. При этом лодка, связанная с плаванием по реке (горизонталь), более архаична, чем колода (вертикаль) [Там же].

3. Еще одной важной деталью погребального обряда могильника Курайка выступают своеобразные вещевые комплексы в сочетании с отсутствием керамической посуды в погребениях. Помимо стандартного набора погребального инвентаря (сердечниковые, стеклянные, пастовые, костяные бусы, бусины-застежки из раковин, раковины каури на поясах) стоит отметить находку каменного алтарика на четырех ножках из женского погребения (объект № 23) (рис. 2). Он стоял в ногах погребенной, у торца колоды, на нем сохранились остатки красного порошка минерального происхождения. По всей видимости, следы именно этой краски были зафиксированы на лицевой части черепа женщины. Это не первый случай обнаружения следов подобного ритуала на Курайке [Слюсаренко, Богданов, Соёнов, 2008, с. 44] и в других памятниках эпохи палеометалла Южной Сибири [Бородовский, 2002,

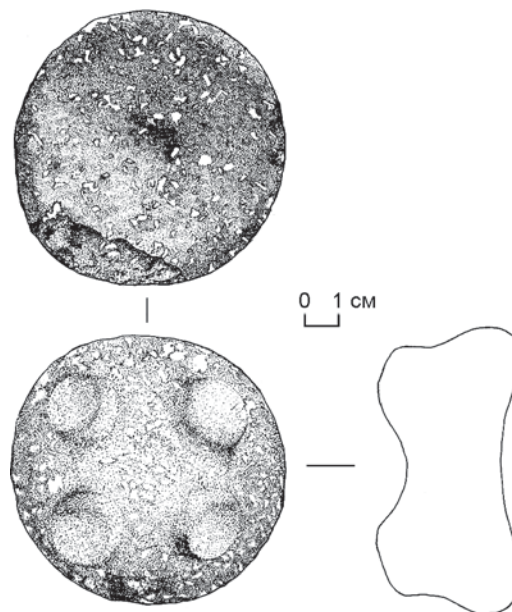

Рис. 2. Объект № 23 могильника Курайка. Каменный алтарь (стол).

с. 113–118]. Истоки этого ритуала и аналоги самого предмета следует, по всей видимости, искать в сарматском мире. Большинство исследователей, вслед за К.Ф. Смирновым, считают, что сарматские (савроматские) жертвенники (алтарики, столики) «служили для разжигания огня и воскурения ароматических веществ», а также «для растирания веществ, символизирующих жертвенную кровь и огонь» [Смирнов, 1964, с. 167]. Анализ всего массива данных позволяет предположить многофункциональность использования подобных переносных предметов. Часть из них могла использоваться для сока-хаомы [Федоров, 2001, с. 30], для косметических средств [Зуев, 1996, с. 14], для смешивания краски при нанесении татуировки [Васильев, 1998, с. 32–33].

Таким образом, в результате раскопок в 2017 г. удалось выявить новые и важные детали в погребальном обряде на могильнике Курайка, отобрать древесину для дендрохронологического анализа, получить представительную серию образцов для генетического анализа и пополнить коллекцию антропологического материала.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю. Амулеты из египетского фаянса с территории Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2007. – № 4. – С. 77–80.

Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. – Новосибирск: [Б. и.], 2002. – 208 с.

Васильев В.Н. К вопросу о сарматских жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфим. археол. вестн. – 1998. – № 1. – С. 25–43.

Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.

Елин В.Н. Кок-пашский тип археологических памятников предтюркского времени в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 119–136.

Зуев В.Ю. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб.: Изд-во ГЭ, 1996. – С. 54–68.

Петрухин В.Я. Погребальная лада викингов и «корабль мертвых» у народов Океании и Индонезии // Символика культов и ритуалов у народов зарубежной Азии. – М.: Глав. ред. Вост. лит-ры, 1980. – С. 79–91.

Семенова В.И. Археолого-этнографическое моделирование погребального обряда в структурно-семиотическом контексте // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2007. – № 7. – С. 120–130.

Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соёнов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: Агентство по культ.-истор. наследию Респ. Алтай, 2008. – Вып. 7. – С. 42–57.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М.: Наука, 1964. – 380 с.

Соёнов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайск. гос. ун-та, 2003. – 160 с.

Соёнов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Аварийные работы на могильнике Курайка (Южный Алтай) в 2015 году // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): мат-лы междунар. конф. – Кемерово: Кузбассвиздат, 2016. – С. 82–88.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. – № 3. – С. 113–135.

Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI века. – М.: Наука, 2009. – 756 с.

Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «сарматских жертвенников» Южного Приуралья // Уфим. археол. вестн. – 2001. – № 3. – С. 21–49.

Шумкин В.Я., Колпаков Е.М., Мурашкин А.И. Некоторые итоги новых раскопок могильника на большом Оленьем острове Баренцева моря // Зап. ИИМК РАН. – СПб., 2006. – № 1. – С. 42–52.

Ethnology and Anthropology of Eurasia. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, No. 4, pp. 77–80 (in Russ.).

Borodovskiy A.P. Arkheologicheskiye pamyatniki Iskitimskogo rayona Novosibirskoy oblasti. Novosibirsk, 2002, 208 p. (in Russ.).

Elin V.N. Kok-pashskii tip arkheologicheskikh pamyatnikov predtjurkского времени v Gornom Altae. In *Problemy izucheniya drevnei i srednevekovoi istorii Gornogo Altaya.* Gorno-Altaysk, 1990, pp. 119–136 (in Russ.).

Fedorov V.K. O funktsional'nom naznachenii tak nazyvayemykh «sarmatskikh zhertvennikov» Yuzhnogo Priural'ya. In *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik*, 2001, No. 3, pp. 21–49 (in Russ.).

Golovnev A.V. Govoryashchiye kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov. Ekaterinburg: Ural Branch RAS Press, 1995, 606 p. (in Russ.).

Petrukhin V.Ya. Pogrebal'naya lad'ya vikingov i «korabl' mertvykh» u narodov Okeanii i Indonezii. In *Simvolika kul'tov i ritualov u narodov zarubezhnoy Azii.* Moscow: Glavnaya redaktsiya Vostochnoy literatury, 1980, pp. 79–91 (in Russ.).

Semenova V.I. Arkheologo-etnograficheskoye modelirovaniye pogrebal'nogo obryada v strukturno-semioticheskom kontekste. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2007, No. 7, pp. 120–130 (in Russ.).

Shumkin V.Ya., Kolpakov E.M., Murashkin A.I. Nekotoryye itogi novykh raskopok mogil'nika na bol'shom Olen'yem ostrove Barentseva morya. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury.* St. Peresburg, 2006, No. 1, pp. 42–52 (in Russ.).

Slyusarenko I.Yu., Bogdanov E.S., Soyonov V.I. Novye materialy gunno-sarmatskoy epokhi iz Gornogo Altaya (mogil'nik Kurayka). In *Izucheniyе istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri.* Gorno-Altaysk: Agentstvo po kulturno-istoricheskomu naslediyu Respubliki Altai, 2008, vol. 7, pp. 42–57 (in Russ.).

Smirnov K.F. Savromaty. Rannyya istoriya i kul'tura sarmatov. Moscow: Nauka Publ., 1964, 380 p. (in Russ.).

Sokolova Z.P. Khanty i mansi: vzglyad iz XXI veka. Moscow: Nauka Publ., 2009, 756 p. (in Russ.).

Soyonov V.I. Arkheologicheskie pamyatniki Gornogo Altaya gunno-sarmatskoi epokhi. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State Univ. Press, 2003, 160 p. (in Russ.).

Soyonov V.I., Ebel' A.V. Issledovaniya na mogil'nike Kurayka. In *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii.* Gorno-Altaysk, 1998, No. 3, pp. 113–135 (in Russ.).

Soyonov V.I., Konstantinov N.A., Trifanova S.V. Avariynnye raboty na mogil'nike Kurayka (Yuzhnyy Altay) v 2015 godu. In *Arkheologicheskoye naslediyе Sibiri i Tsentral'noy Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya): Materialy mezhdunarodnoy konferentsii.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2016, pp. 82–88 (in Russ.).

Vasil'yev V.N. K voprosu o sarmatskikh zhertvennikakh kochevnikov Yuzhnogo Urala. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik*, 1998, No. 1, pp. 25–43 (in Russ.).

Zuyev V.Ya. Nauchnyy mif o «savromatskikh zhritsakh». In *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epokhu.* St. Petersburg: State Hermitage Publ., 1996, pp. 54–68 (in Russ.).

References

Bogdanov E.S., Slyusarenko I.Yu. Amulety iz egipetskogo fayansa s territorii Gornogo Altaya. In *Archaeology,*